

Н.Н. ЦВЕТАЕВА

БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Описывая результаты анализа нарративов «крестьянского» поколения [1], мы уже говорили о том, что в самом определении дискурса как коммуникативного акта и социального диалога [2, с. 121-122] содержится проблематика его обусловленности временем – эпохой, в которой живут участники диалога. В нашем исследовании речь идет о биографическом дискурсе советской эпохи, о том, насколько стереотипы и ценности советской идеологии, языка эпохи, укоренены в привычках и навыках осмысления собственной жизни авторами нарративов.

Понятно, что процесс складывания языка эпохи развивается во времени и имеет на каждой ступени свою историю. Биографические нарративы дают возможность уловить, реконструировать эту историю. В силу этого биографический дискурс советской эпохи рассматривается в исследовании через призму нарративов представителей тех поколений, которые символизируют определенные этапы этого процесса – переходные периоды жизни советского общества. Это позволяет не только обосновать критерии отбора нарративов для анализа, но и подчеркнуть поэтапную симптоматику социально-культурных изменений в советском обществе, включая и сегодняшние.

Напомним также, что методическим «ключом» данного исследования является характеристика биографического дискурса через те смысловые структуры («фигуры логики») нарративов, которые образуются при анализе отношения между событийной канвой нарратива и высказываемыми его автором оценочными суждениями, что речь идет не о референциальности истории жизни, а о том, как строится человеком дискурс этой истории,

Цветаева Нина Николаевна – научный сотрудник Социологического института Российской академии наук **Адрес:** 198147 Санкт-Петербург, Измайловский проспект, д. 14. **Телефон:** (812) 316-21-62. **Факс:** (812) 316-29-29. **Электронная почта:** olegbozh@hotmail.com

Исследование проводилось в рамках программы поддержки исследований (OSI/RSS N 792/94) Института «Открытое общество» (Прага) и проекта РФФИ № 98-06-80286.

каковы его навыки осмысливать свою жизнь или, используя терминологию П. Бурдьё, каковы «практические схемы» его мышления. Причем, как это и предполагает биографический метод, интерес представляют прежде всего диапазон и вариативность обнаруженных в текстах смысловых структур, «репертуар возможностей», а не частота их обнаружения [3].

Первый этап исследования – анализ «истоков» биографического дискурса советской эпохи – проводился на нарративах людей, принадлежавших к поколению очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти. Тот факт, что большая часть представителей этого поколения являлись крестьянами по происхождению, определил схему анализа их нарративов. Основной акцент в анализе был сделан на взаимодействии крестьянской культуры авторов нарративов с идеологией советской эпохи, на трансформации крестьянского мировосприятия под воздействием этой идеологии, на том, как начинал складываться дискурс советской эпохи, как запомнились этим людям, жившими в эпоху перемен, такие судьбоносные для их жизни события, как гражданская война, революция, коллективизация, как эти события представлены в их биографической памяти, какими идеологическими формулами и обобщениями они сопровождаются.

Результаты исследования биографических нарративов этого поколения (для краткости названного «крестьянским») свидетельствовали о низком уровне индивидуализации мировосприятия авторов нарративов, их неумении рационализировать свою биографию, об отсутствии в их рассказах смысловых моделей жизни и способов самоутверждения кроме тех, которые задавались стандартными формулами идеологии советской эпохи. Кроме того, в нарративах этого поколения обнаруживались деформации и противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить практическую логику своей жизни и логику советской идеологии, его закрепощенности и незащищенности перед властью структурной мифологической схемы.

Следующим поколением, нарративы которого характеризовали особенности биографического дискурса советской эпохи, стало поколение, вошедшее в советскую историографию под именем «шестидесятников». Как и «крестьянское», это поколение символизировало своего рода «переходную» эпоху – годы «оттепели», годы разоблачения «культы личности» Сталина и некоторого смягчения идеологии. Это позволяло надеяться, что анализ нарративов этого поколения не только выявит межпоколенческую динамику биографического дискурса, но и обнаружит свидетельства освобождения мировосприятия человека от давления идеологических стандартов советской эпохи.

Основу для анализа нарративов этого поколения составили материалы тематического конкурса автобиографий «шестидесятников» «Гляжу в себя как в зеркало эпохи», проведенного осенью 1994 – весной 1995 годов среди граждан Санкт-Петербурга Биографическим Фондом Санкт-Петербургского филиала Института социологии Российской Академии наук. Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 30-ых годов рождения, то есть те, кто встретил свое взросление в 50-ых – начале

60-ых. Так как среди участников конкурса оказались люди самых разных профессий (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки), можно сказать, что тема конкурса не ограничила круг его участников и результаты анализа характеризуют скорее «простого советского человека», чем моральных активистов эпохи 60-ых.

Образование и «зримые следы» социальных и политических событий юности

Ориентируясь на позицию, что каждое поколение несет на себе «зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности» [4, с. 47], от биографического дискурса участников конкурса «шестидесятников» «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» можно было ожидать подробных и развернутых характеристик эпохи. И первым шагом уяснения этих характеристик было то, как люди, приславшие биографические нарративы на конкурс, объясняют свое участие в конкурсе и представляют эпоху 60-ых, каковы «зримые следы» событий их юности.

Анализ нарративов участников конкурса показал, что эти «следы» образуют два типа дискурса, в каждом из которых действуют свои символы и метафоры. Один тип дискурса – это язык литературный, язык образованных людей, интеллигенции. Другой – язык людей малообразованных.

Вот как выглядит эпоха 60-ых в нарративах образованных участников конкурса: «на какое-то время мы поверили, что мы свободны и можем жить по совести, быть самим собой», «все вздохнули свободно», «много стали говорить о новой жизни, появилось много публикаций»; «60-ые – самые интересные и насыщенные: слушали наших шестидесятников-поэтов, зачитывались (чаще скрытно) «Одним днем Ивана Денисовича»; «60-ые – это время, когда все шурились от солнца, как сказал Жванецкий»; «отношу себя к числу шестидесятников – тех, чье идейное формирование на базе коммунистической идеологии происходило после смерти Сталина, кто испытал очистительное влияние XX съезда»; «мы кожей чувствовали духовный рост общества, презирали обыденность, рвались к интересной работе»; «в это время происходило освоение космоса, целины»; «знаменательное событие – доклад Хрущева – началось осмысливание»; «моральный кодекс строителя коммунизма», «всемирная государственная власть», «поклонение науке».

У малообразованных участников конкурса прямые оценки эпохи 60-ых очень редки. Можно сказать, что фактически они не выделяют это время как особую эпоху и не объясняют с этой точки зрения свое участие в конкурсе. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появляются характеристики этого времени, они конкретны и «материальны», а эпоха 60-х определяется прежде всего как время хрущевских реформ («перебои с хлебом», «вместо привычных культур на полях кукуруза», «хозяйки расставались со своими буренками...»). Другими словами, 60-ые годы вообще не фиксируются ими как «оттепель», как освобождение страны и личности, как смягчение режима и изменения идеологии.

Итак, то, что запомнилось первым и символизирует для них эпоху 60-ых, не входит «в круг внимания» вторых. Явное различие мировосприятия

образованных и малообразованных участников конкурс производит впечатление, что жизненные миры этих групп почти не соприкасаются и что интеллигенция российского общества (если так называть людей, имеющих высшее образование) действительно утратила свою сакральную функцию «хранителей идеалов», трансляторов универсальных культурных образов и продолжает лишь «воображаемое, фантомное существование» [5, с. 210].

Специфика советского адаптивного габитуса

Остановимся теперь на той характеристике биографического дискурса, которая оказалась определяющей в нарративах представителей «крестьянского» поколения, – зависимости их мировосприятия от идеологических формул советской эпохи и самом ярком выражении этой зависимости – противоречиях. Противоречия прочитывались в нарративах, когда их авторы, рассказывая о разорении в результате коллективизации крестьянской жизни своей семьи, не только не осуждали порядок, искалечивший эту жизнь, а даже оправдывали его, демонстрируя приверженность идеологическим формулам прошлого.

При описании результатов анализа нарративов «крестьянского» поколения уже говорилось о том, что эту характеристику биографического дискурса можно интерпретировать по схеме, которую применяет в своем исследовании автобиографий Пекка Руус. Он пользуется терминологией Пьера Бурдьё, соглашаясь с ним, что народные классы в основном приспосабливаются к своим обстоятельствам, «выбирая необходимость» и их габитус можно определить прежде всего как адаптивный [6, с. 141]. С этой позиции оценивая противоречия в нарративах «крестьянского» поколения, мы говорили, что в адаптивном крестьянском габитусе появляются несвойственные ему элементы. Основу своеобразия составляет то, что «глубокий реализм» адаптивного габитуса [7, с. 66] размывается, в результате чего нарративах обнаруживаются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить практическую логику своей жизни и логику высказываемых им оценок или, в терминах Бурдьё и Рууса, логику истории жизни и логику поля (то есть «общества» и «культуры») [6, с. 148, 149].

В нарративах участников конкурса тоже читаются эти противоречия. Прежде всего их можно прочесть в нарративах малообразованных участников конкурса. Это происходит в тех случаях, когда, с одной стороны, они описывают свою трудную и полную лишений жизнь («жизнь-колотушку», как говорит один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, пьянство мужей, несправедливость начальства и т.п., а с другой, оценивают советскую эпоху как время, в котором: «человек чувствовал себя членом одной большой семьи», «все было доступно... не боялись за завтрашний день», «твердо знали, что государство не оставит».

Трансформация официальной догмы в народную религию

Если сравнить лексику этих оценок с лексикой оценок «крестьянского» поколения, то можно увидеть некоторое изменение. Неуклюжие оценочные суждения в нарративах «крестьянского» поколения, часто выражаемые

казенным языком советской пропаганды и носящие какое-то неестественное («котлованное») своеобразие, в нарративах малообразованных участников конкурса сменяются более «мягким» языком, который выглядит как язык идеалов общинной этики (идеалов справедливости, равенства и т.п.).

Оценивая это «смягчение» языка нарративов, трудно согласиться с точкой зрения, что ценности общинной этики и ценности коммунистической идеологии можно разграничить и говорить об отходе в 60-ые годы от коммунистической идеологии при сохранении общинных ценностей [8, с. 135-139]. Скорее надо признать, что идеалы традиционной крестьянской культуры, «мифологической народной правды», всегда эксплуатировались советской идеологией, составляли неотъемлемую ее часть [9, с. 10] и обнаруженное «смягчение» лексики оценочных суждений в нарративах участников конкурса больше похоже не на отход от коммунистической идеологии, а на ее эволюцию, трансформацию официальной догмы в народную религию [10, с. 107].

Кроме того, на это изменение языка нарративов малообразованных участников конкурса интересно посмотреть с точки зрения, что «низы» (если так называть малообразованных людей) усвоили правила игры, выработали тактики (по М. де Серто) или стратегии (по П. Бурдьё), позволяющие им участвовать в производстве нормы [11, с. 51-52], то есть перестали быть только жертвами советского дискурса, а стали его участниками.

«Скрытая ненависть и скрытое оскорбление хозяев»

Анализ нарративов малообразованных участников конкурса дал возможность увидеть и еще одно изменение биографического дискурса советской эпохи. Если в нарративах «крестьянского» поколения чувствовалась некая замороженность языком идеологических формул советской эпохи, о которой мы говорили выше, то в нарративах поколения «шестидесятников» читается дистанцирование от власти и от официального языка идеологии как принадлежности этой власти.

Проявления дистанцирования находятся в диапазоне: с одной стороны, высказывания начальству «правды» на собраниях, а с другой, – презрительного отношения к этому начальству (например, к Н.С. Хрущеву: «Хрущ что-то там опять натворил...») и оскорбительных обобщений (например, таких: «Чем же современные наемники с коммунистическими билетами отличаются от Хрущева Никиты, все верные ленинцы с одной мыслью разрушить устои Русского человека»).

Однако появление такого дистанцирования трудно расценить как свидетельство освобождения сознания от пут идеологического языка советской эпохи или (если продолжить анализ в терминах Бурдьё и Рууса) как появление в адаптивном габитусе народных классов элементов рефлексии и самоконтроля, которыми характеризуется габитус образованных слоев общества. Скорее эта характеристика нарративов малообразованных участников конкурса базируется на цинизме как реакции на утерянную веру в моральные устои руководства страны и вполне вписывается в обратную сторону их адаптивного габитуса – «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев» [6; с. 141].

«Реализм» адаптивного габитуса и привилегии

К специфике биографического дискурса малообразованных участников конкурса можно отнести и то, что читаемая в их нарративах зависимость от идеологического языка советской эпохи часто связана с мерой их приобщения к выработанным советским государством привилегиям. Известно, что привилегии были результатом дробления советских людей на многочисленные ведомственные, региональные, профессиональные и прочие касты и представляли собой сложную иерархическую структуру зависимости человека от административно-управленческого аппарата власти [12, с. 140]. Привилегии, как свидетельствуют нарративы участников конкурса, были обусловлены самыми разными обстоятельствами (например, членством в партии, активностью в общественной работе (первое и второе, как правило, были связаны), службой мужа (офицера) за границей; работой на производстве, дававшей возможности пользоваться профсоюзными путевками, и т.п.).

Естественно, что привилегии расслаивают авторов нарративов на тех, кто ими пользовался, и тех, кто не пользовался. (Здесь необязательно присутствовала активность того, кто получал привилегии. Иногда можно говорить о случайности попадания человека в ту или иную иерархию благ, распределяемых советской системой). Но все же, как свидетельствуют нарративы, среди тех, кто не попал в эту иерархию, независимость от идеологических догм читается отчетливее. Им удается сохранять «глубокий реализм» адаптивного габитуса, и в таких случаях можно говорить о том, что «люди физического труда, непосредственно сталкивающиеся с непреложными законами природы, в целом более устойчивы по отношению к тоталитарной демагогии, чем многие интеллигенты, умудрившиеся прожить в мире текстов и без особого стыда говорящие о своей прошлой вере в вождя» [13; с. 169].

«Умолчания» простых людей

Выше уже говорилось о том, что малообразованные участники конкурса не выделяют эпоху 60-ых как особую эпоху, как время либерализации жизни общества после смерти Сталина. Можно даже сказать, что в нарративах этих людей история существования советского общества не делится на какие-либо эпохи, кроме последней – «до» перестройки и «после». И в целом это понятное свойство их адаптивного габитуса, привычки жить, «выбирая необходимость».

Но на фоне появившихся в нарративах малообразованных людей этого поколения цинизма и неуважительного отношения к власти, о которых говорилось выше, представляет интерес то, что имя Сталина в их нарративах вообще не упоминается (ни прямо, ни косвенно). Не говорится даже о смерти Сталина, что, как правило, присутствует в нарративах образованных участников конкурса, часто описывающих свои переживания этой смерти. Никакой критики в отношении сталинского режима тоже нет, хотя оснований для критики, судя по нарративам, много. Например, в тех случаях, когда рассказывается о тяжелом бремени налогов на крестьянское хозяйство

во время правления Сталина, детстве «без мяса и без жира», так как «скот уходил на уплату налогов», несправедливости советских властей к семье, попавшей на оккупированную территорию во время войны и т.п.

Конечно, сложность советской официальной точки зрения на роль Сталина и долго не раскрываемая до конца правда о его режиме не могли не сказаться на таинственности этой фигуры для сознания советского человека. И, по всей видимости, рационального восприятия личности Сталина и его эпохи трудно ждать от «простого советского человека», причем, не только малообразованного.

По нарративам малообразованных участников конкурса создается впечатление, что в целом их отношение к Сталину носит мистический характер и во многом является результатом многолетнего страха всего общества, проявлением его «коллективного бессознательного», если воспользоваться терминологией психоаналитиков. Тем более символично это «молчание о Сталине» выглядит на фоне неуважительного и критичного отношения к Хрущеву, который первым снял запрет с критики Сталина.

Габитус образованных людей как «мифотворчество»

Теперь перейдем к биографическому дискурсу образованных участников конкурса. Основной его характеристикой, на наш взгляд, является термин «мифотворчество», которым подчеркивается особая способность советского человека верить в слова, литературоцентризм русской культуры [14, с. 250]. Эта способность хорошо была видна в приведенных выше риторических оборотах нарративов, которыми образованные участники конкурса характеризовали эпоху «оттепели».

Используя этот термин, хотелось бы подчеркнуть и то, что мир представлений и слов образованных людей, как мы видели из описания эпохи 60-ых, оказывается совсем не связанным с миром представлений и слов малообразованных. И если говорить о мифотворчестве образованных людей как об идеологическом самообслуживании общества, то мифотворчество «шестидесятников» не распространилось на все общество. И, как кажется, это придает термину несколько иную окраску.

И, наконец, подчеркнем наиболее важный аспект биографического дискурса образованных участников конкурса как мифотворчества. Несмотря на то, что в их нарративах воспроизводятся почти все культурные коды, обозначающие эпоху «оттепели», их рефлексия, направленная на анализ сталинского режима, носит довольно поверхностный характер. Определяя эпоху «оттепели», они, как правило, воспроизводят литературные штампы описания этой эпохи и не идут дальше идеалов и надежд своей юности. На фоне этих идеалов редко кто из них говорит о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т.п.), то есть в какой-то мере анализирует сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминаются, а если и упоминаются, то осторожными фразами: «среди окружающих никто не пострадал при Сталине», «ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства» и т.п. Интересно, однако, оценить эту риторику

на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была напрямую затронута сталинскими репрессиями [15, с. 258].

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т.п.) тоже почти не анализируются. Здесь, конечно, надо отметить, что в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди знали в основном только из официальных источников. И нарративы подтверждают, что узнавал человек об этих событиях, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах и вместе со всеми принимал те оценки, которые предлагала официальная идеология.

Сожаление же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывается тоже довольно редко. И это еще одно подтверждение, что мировосприятие образованных участников конкурса можно определить как мифотворчество, как систему представлений, закрытую для рационального осмысления. А отсутствие рефлексии по этому поводу по сути является показателем сохранившейся зависимости человека от идеологии советской эпохи, запрещавшей человеку самостоятельно анализировать общественные проблемы.

Итак, как свидетельствуют нарративы образованных участников конкурса, образованные люди этого поколения тоже остаются во власти структурной мифологической схемы советской эпохи и не склонны критично относиться к ней. Рассмотрим подробнее, как это выглядит в нарративах.

«Мы работали честно...» и ангажированность в идеологию

Прежде всего, надо сказать, что некритичность к советскому прошлому имеет две формы выражения в дискурсе образованных участников конкурса.

Первую форму можно характеризовать как уклонение от анализа каких-либо сложных общественных проблем своего времени за счет переноса внимания на другие сферы жизни. В нарративах этого типа люди описывают этапы своей жизни, удовлетворяясь, можно сказать, формулами личного (в противовес общественному) мифотворчества. Тематами мифотворчества, которые характеризуют смысл жизни и которые создаются с большей или меньшей степенью искусности, здесь оказываются: «молодость», «романтика», «профессионализм», «любовь», «воспитание детей» и т.п.

В сравнении с «крестьянским» поколением, в нарративах которого смысл жизни, как правило, определялся заданными советской идеологией стандартами (социально-значимыми аспектами жизни человека), появление этих тем и их разнообразие, можно рассматривать как показатель освобождения человека от этих стандартов и свидетельство, что «частная жизнь» становится легальной в советском обществе в 60-х годах. Тем не менее, речь идет о нарративах образованных людей, габитусу которых, как уже говорилось, должны быть присущи рефлексия и самоконтроль, и кроме того, – участников тематического конкурса «шестидесятников» «Гляжу в себя как в зеркало эпохи», и отказ от рефлексии на эту тему больше похож на бегство от свободы – отсутствие привычки самостоятельно думать об

общественных проблемах даже сегодня, когда появились для этого возможности.

Надо отметить также, что в нарративах этого типа своеобразным рефреном, характеризующим смысл жизни человека, является фраза: «мы работали честно», которой авторы нарративов как бы снимают с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождают себя от анализа.

Другую форму не критичности образованных участников конкурса к культурным кодам советской эпохи определяет своего рода изначальная ангажированность интеллигенции в советскую идеологию и ее близость к власти [5, с. 211]. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. Вот как говорит об этом один из участников конкурса: «Тогда молодежь стремилась поступать в институты, так как жизненный уровень человека с дипломом был выше, чем у рабочего».

В нарративах образованных участников конкурса ангажированность в советскую идеологию выражается в том, что они критикуют советское прошлое как бы «изнутри», и, переосмысливая это прошлое, сохраняют «принципиальную верность идее», считают, что «гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» и что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года». Из нарративов выясняются и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». Общим пафосом лояльности к сталинскому режиму и советской системе в целом в нарративах этого типа являются суждения: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

Противоречия габитуса, которому присущи рефлексия и самоконтроль

Анализ нарративов образованных представителей «крестьянского» поколения уже иллюстрировал, что само по себе наличие у человека высшего образования не гарантирует его способности к рефлексии и независимости суждений, что советская система образования оказалась не просто «машиной воспроизведения идеологических стереотипов» [16, с. 495], а действительно «третьим фронтом» (наряду с обороной и промышленностью), который создавал «подготовленный людей», обладающих «новой культурой в области чувства» [17, с. 98]. Нередко в нарративах «крестьянского» поколения обнаруживалось, что чем большее количество ступеней образования (ФЗО, техникум, какие-либо курсы, институт и т.п.) проходил человек, тем сильнее склонен был он защищать свою приверженность идеалам советской эпохи, несмотря на противоречия между логикой изложенной им истории жизни и логикой этих идеалов.

Выше мы рассмотрели на материалах нарративов малообразованных участников конкурса, как образуются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить логику прожитой жизни и логику высказываемых им оценок. В нарративах образованных участников конкурса такие противоречия тоже встречаются. Эти противоречия можно прочесть, когда «верность идее социализма» присутствует не только у тех участников конкурса, которые «прожили прекрасную жизнь», а и у тех, которые, например, столкнулись со страшными реалиями сталинской эпохи («где-то кости дяди – 10 лет без права переписки»), в течение жизни часто преследовались или увольнялись «по идеологическим соображениям», не могли поступить в институт и получить после института нормальное распределение и т.п. В таких случаях можно сказать, что их «верность идее социализма» оказывается в противоречии с реалиями их жизни и что эти противоречия очень похожи на те, которые читались в нарративах «крестьянского» поколения и в нарративах малообразованных участников конкурса.

Однако поколение «шестидесятников» формировалось, как уже говорилось, в принципиально иной ситуации, нежели «крестьянское» поколение, и противоречия, обнаруживаемые в нарративах участников конкурса, труднее поддаются объяснению. Тем более, если мы говорим о противоречиях образованных людей, габитусу которых, повторим еще раз, по определению должны быть присущи рефлексия и самоконтроль.

Две модели габитуса образованных людей и культурный капитал

Учитывая цепь коллизий развития советского общества, полная (то есть наличие матери и, особенно, отца) семья достаточно редкое явление в биографических нарративах как участников конкурса «шестидесятников», так и «крестьянского» поколения. Но в тех случаях, когда детство авторов нарративов проходит в полной и любящей семье, это играет большую роль в их жизни, независимо, как правило, от их происхождения и уровня образования.

В этой связи понятие культурного капитала в применении к реалиям жизни советского человека можно рассматривать не только как наличие высших ступеней образования и соответствующего статуса у родителей рассказчика, но и как наличие полной и любящей семьи, а также таланта, мастерства, трудолюбия его родителей (того, что в российской культуре обозначается словом «самородки»). Особенно выпукло это наблюдалось в историях жизни «крестьянского» поколения, которое реализовало потенциал демократизации социальных отношений, накопленный задолго до революции.

Для образованных участников конкурса «шестидесятников» существенным в определении культурного капитала становится их принадлежность к образованным слоям общества во втором поколении, наличие у их родителей образования, дававшего статус служащего в советском обществе. И если родители являются в этом смысле образованными людьми (здесь оказываются и люди дворянского происхождения, которых, естественно, очень мало, и «скромные советские

служащие» пролетарского или крестьянского происхождения), то культурный капитал семьи, как свидетельствуют нарративы, обязательно сказывается на биографии детей.

Обобщенная картина биографий тех, кто принадлежит к образованным слоям общества в первом поколении, и тех, чьи родители уже обладали в той или иной степени культурным капиталом, выглядит следующим образом. Первых характеризует бурная (студенческая) молодость с чтением стихов, театрами, дефицитными книгами и культурным энтузиазмом (то есть с мифами их молодости), которая с началом семейной жизни в целом угасает и становится приятным воспоминанием. Их ангажированность в культурные коды советской идеологии, как правило, поддерживалась активным участием в общественной работе, связанным с партийностью. И в тех случаях, когда они разочаровываются в прошлом, они определяют себя как «наивных простаков», «тружеников, доверчивых по натуре, работавших на совесть и в 60-ых, и в 70-ых, и в 80-ых годах».

Судьба вторых выглядит сложнее. Можно сказать, что унаследованный ими культурный капитал делает их рефлексию и их жизнь более активными. Это выражается не только в том, что они участвуют в официальном мифотворчестве, то есть умеют поддерживать и адаптировать официально выдвигаемые мифы, а и в том, что они обнаруживают умение создавать и обновлять мифы собственной (личной) жизни каждый раз, когда сталкиваются с тяжелыми и жесткими ее обстоятельствами. Их мифотворчество и рефлексию можно структурировать по двум линиям: неизменная ангажированность в советскую идеологию (формы которой были рассмотрены выше) и попытки отстранения и критичного отношения к ней, которые трудно определить так однозначно, как для первых. Можно только отметить, что, в отличие от первых, они не называют себя «наивными простаками».

Традиционные способы бегства от «тирании общества»

К проблеме дистанцированности человека к официальной идеологии общества можно подойти с разных сторон. Интересно, например, рассмотреть на материалах нарративов три способа избежать «тирании общества» (мысленный саботаж, антиобщества, манипулирование), о которых говорит П. Бергер [18]. Но прежде согласимся с ним, что любое освобождение человека от давления общества имеет место в границах, которые сами социальны, то есть речь идет о том, как человек использует те возможности быть свободным, которые в принципе предоставляет ему общество.

Перечисленные П. Бергером способы бегства от «тирании общества» мы попытались обнаружить в нарративах участников конкурса. Вот, например, как выглядит мысленный саботаж одного из них: «Я уже тогда не верил нашей пропаганде, не верил ни в братство, ни в равенство, ни в свободу, что мне преподносили на блюде. Понятие порядочности и совести у меня были свои и они остались у меня до сих пор». Это говорит о своих убеждениях, анализируя школьные годы своей жизни, полковник в отставке,

кандидат технических наук, проживший вполне благополучную по советским меркам жизнь.

Что касается второго способа избежать тирании общества – создания антиобществ, то здесь можно обозначить две их формы. К первой можно отнести диссидентское движение и его разновидности. Но, как показывает исследование истории инакомыслия в СССР, этот полюс оппозиционности к советской идеологии является достаточно редким явлением, чтобы его можно было использовать для характеристики даже образованной части советского общества [19]. Во всяком случае, среди участников конкурса не оказалось ни одного человека, участвовавшего в правозащитном движении или как-то активно обнаружившего свое инакомыслие.

Другой формой антиобществ, казалось бы, должна быть молодежная субкультура, уже по своей природе стремящаяся отгородиться от официального идеологического контроля. Но в нарративах участников конкурса таких форм общения молодежи, которые однозначно можно было бы отнести к антиобществам, не встречается. Друзья, оказавшие влияние в детстве или в молодости, тоже почти не фигурируют в рассказах. Единичные случаи – упоминания дружеской компании с песнями «бардов» под гитару и литературного кружка. Чаще всего в нарративах рассказывается о студенческих поездках с сокурсниками на летнюю практику, целину или на похороны Сталина, то есть, можно сказать, об официально признанных и пропагандируемых формах общения молодежи того времени, которые трудно назвать антиобществами.

Если рассматривать в нарративах участников конкурса третий способ бегства от «тирании общества», называемый П. Бергером, – манипулирование, «ролевая дистанция» или способность «заставить систему работать на себя», то способы приспособления человека к официально провозглашаемым нормам советского общества иногда виртуозны. В нарративах это выглядит как умение использовать «лазейки», которые так или иначе обнаруживаются в любой (даже тоталитарной) общественной системе, а проиллюстрировать это можно ироническими словами одного из респондентов: «Народ давно привык к различным кампаниям и умел быстро и грамотно откликаться» или «В игре с государством кое-какие очки я отыграл».

Тем не менее, все эти способы, так или иначе, оказываются способами «вписывания» в символический советский порядок или, как говорит П. Бергер, использования человеком возможностей спрятать от себя свою свободу. И в этом «вписывании» трудно обнаружить индивидуальность человека, люди выглядят бессубъектными, различающимися только степенью зависимости от общепринятых норм. В таких случаях биографические нарративы действительно можно назвать, как это делает П. Бурдье, заимствованием взгляда на жизнь у социально-культурных форм.

Вместо заключения: самоконтроль, независимость, индивидуальность

Конечно, вопрос о том, насколько человек может дистанцироваться от структурной мифологической схемы, нельзя свести только к уровню его

образованности или критической рефлексии. Это хорошо иллюстрируют слова известного советского писателя К. Симонова, анализировавшего свое отношение к Сталину: «Было и такое, о чем можно было и следовало думать до XX съезда и оснований для этого было достаточно. Решимости не хватало куда больше, чем оснований» [20; с. 32].

Мы попробовали посмотреть на эту проблему с другой стороны – со стороны не только критичного отношения человека к идеологии прошлого на фоне сегодняшних перемен, а осуществленных им попыток на протяжении жизненного пути проявить собственное, в той или иной мере независимое от идеологических стандартов советской эпохи, понимание ценностей и смысла жизни. Общей рамкой анализа являлись поиски в нарративах участников конкурса несвойственной советскому обществу, как признано сегодня, готовности к ценностно-ориентированному действию – самостоятельному выбору, индивидуальному риску, проблематичности и ответственности негарантированного повседневного существования [15, с. 241].

Нестандартные поступки, свидетельствующие о перечисленных признаках готовности к ценностно-ориентированному действию, обнаружились в нарративах только нескольких участников конкурса. К таким поступкам мы отнесли: усыновление приемного ребенка; поиски творческой работы без боязни потерять хорошо оплачиваемое место; «обычную свободную жизнь странствующего ремесленника».

Чтобы объяснить наш выбор, надо отметить, что авторы этих поступков не являются оппозиционерами в отношении норм советского общества и прожили вполне советскую жизнь, часто даже очень успешную с точки зрения этих норм. Или, говоря словами одного из них: «Все пробежки и передышки соответствуют шагу и поворотам всей страны». Но среди участников конкурса их выделяет то, что можно назвать культурной интенсивностью жизни (в отличие от известного в советской социологии термина «культурная активность»).

Культурная интенсивность жизни проявляется прежде всего в их профессионализме. Все они имеют высшее образование и достигли определенных высот в той профессии, которой занимались на протяжении жизни (среди них главный врач поликлиники, инженер-конструктор и изобретатель). Причем, их профессионализм характеризует не сама успешность карьеры, а неординарное и творческое отношение к своей профессии.

Даже членство в партии в советское время выглядит в их нарративах не как результат приспособления к нормам советской жизни (ведь партийность, как правило, была связана с успешной профессиональной карьерой советского человека), а как искренняя попытка использовать свои возможности как-то «исправить» советскую систему. И это тоже можно отнести к характеристикам культурной интенсивности их жизни, тем более, если согласиться с точкой зрения, что в советском обществе чувство сопричастности государству, его делам и идеям, было фактически единственным способом самоутверждения личности, обретения его субъектности [21; с. 171-177].

Хотелось бы также подчеркнуть, что речь идет не об умении этих людей придать описанию своей жизни литературную форму, о талантливом мифотворчестве (о котором говорилось выше и которое позволяло человеку оставаться в рамках общепринятых стандартов) и не об умении мотивировать свои поступки, присущем образованному человеку, а о прочитываемой в нарративах последовательной линии поведения, осуществляемой на протяжении всей жизни, о реализованной культуре личного достижения. Причем, в нарративах этих людей обнаруживаются как бы два фокуса достижительности – общественный и личный, но общественный никогда не заменяет и не подавляет личный, между ними наблюдается отчетливая дистанция, которая выражается, в частности, в умении критиковать не только идеологические мифы прошлого, а и свое участие в поддержании этих мифов.

Вот так, на наш взгляд, в нарративах участников конкурса выглядит эта редкая для советского общества характеристика – готовность к ценностно-ориентированному действию. И это пока единственная (и очень редко встречающаяся) примета дистанцирования человека от структурной мифологической схемы советской эпохи, обнаруженная в биографических нарративах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева Н.Н.* Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
2. *Дейк Т.А. ван* Анализ новостей как дискурса // Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С.113-122.
3. *Фукс-Хайнриц В.* Биографический метод // Биографический метод: история, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С.11-41.
4. *Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С.47-60.
5. *Левада Ю.А.* Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. (Международный симпозиум 17-19 декабря 1993 г.). М., 1994. С.208-214.
6. *Руус П.* От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos. 1993. № 1/2. С.139-151.
7. *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos. 1993. С. 53-87.
8. *Берто Д., Мальшева М.* Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку // Биографический метод: История, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С.94-146.
9. *Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С.3-19.
10. *Бабашкин В.* Крестьянский менталитет: Наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С.99-110.

11. *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Наивное письмо»: опыт лингвосociологического чтения. М.: Русское феноменологическое общество, Гнозис. 1996.
12. *Стариков Е.* Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. № 10. С.131-162.
13. *Гозман Л., Эткинд А.* От культа власти к власти людей. Психология политического сознания // Нева. 1989. № 7.
14. *Вайль П., Генис А.* Страна слов // Новый мир. 1991. № 4. С.239-251.
15. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993.
16. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс». 1994.
17. *Волков В.В.* Новая культура в области чувства: Как ликвидировали неграмотность в СССР // Человек. 1992. № 1. С.96-102.
18. *Бергер П.* Общество как драма // Человек. 1995. № 4.
19. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс-Москва: Весть, 1992.
20. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. №3. С.3-66.
21. *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М., 1991.